Въ обширныхъ конюшняхъ барскаго двора стояли лошади, которыми Проклычъ барышничалъ и ловко надувалъ покупателей, а на заднемъ дворѣ во флигелѣ, выходившемъ окнами на заброшенный садъ, отдавались мелкія квартиры, почти что углы, гдѣ коротали тяжелое житье разные бѣдняки, бившіеся какъ рыба объ ледъ, чтобы не уморить семью съ голоду да заткнуть глотку Проклычу, не любившему запускать на жильцахъ плату за сырыя и гнилыя коморки, куда и днемъ-то едва проходилъ свѣтъ солнца, а ночью чортъ ногу бы сломалъ, если бы отважился проникнуть въ жилище горя да нужды.

Въ одной угловой комнаткѣ года три сряду жила бѣдная молодая чиновница съ дочкой лѣтъ десяти. Безъисходное горе и крайняя нужда загнали сюда эту женщину, видавшую лучшіе дни, и привыкшую къ порядочному образу жизни. Вышла она по любви, противъ желанія родителей, за молодаго, красиваго чиновника, который вскорѣ оказался безпутнымъ мотыгой и пьяницей. Прокутивъ женино приданое, выгнатый изъ службы, онъ окончательно спился съ круга. Пришлось женѣ кормить пьяницу мужа своими трудами; изъ жалости знакомые и сосѣди давали ей работу, но все, что она ни добывала, мужъ у ней отнималъ, при чемъ бивалъ несчастную такъ, что ее едва живую отнимали у него добрые люди.

Наконецъ нечего стало съ жены тащить, онъ началъ воровать, да и угодилъ въ тюрьму, а оттуда пошелъ по Владимиркѣ. Съ надорваннымъ здоровьемъ, съ нищетой и съ маленькой дочкой перебралась Софья Алексѣевна Ивашина въ полуразвалившійся флигель, гдѣ Проклычъ въ минуту душевнаго умиленія отъ выгодной сдѣлки уступилъ ей комнатку за два рубля въ мѣсяцъ. Маня, дочка новой жилицы, сразу понравилась Проклычу. «Вотъ такъ барышня! Шустрая какая, голосистая и красавица будетъ...» одобрилъ онъ, безцеремонно гладя кудрявую головку дѣвочки. Дѣйствительно, Маня обѣщала выйдти недюжинной дѣвушкою: роскошные, золотисто-каштановые волосы и большіе синіе глаза съ длинными рѣсницами и темными бровями прежде всего остонавливали вниманіе постороннихъ, а веселый нравъ и добрая душа совсѣмъ очаровывали тѣхъ, кто знакомился съ нею короче.

Любопытная отъ природы и смышленая не по лѣтамъ, Маня, пользовавшаяся свободой бѣдности, часто сталкивалась съ расфранченными примадоннами Проклычева хора. Пошлетъ ли ее мать въ лавочку за фунтомъ хлѣба или за сальной свѣчкою, Маня норовитъ мимо крыльца шмыгнуть, гдѣ богатые господа изъ золоченыхъ саночекъ вылѣзаютъ, а лѣтомъ изъ щегольскихъ колясокъ выскакиваютъ.

— Voila une jolie petite bohemiènne! (Вотъ хорошенькая цыганочка) на лету схватывала она фразу, вскользь брошенную ей молодымъ франтомъ.

— Что это значитъ jolie? спрашивала она у матери.

Получивъ объясненіе на первый вопросъ, она задавала другой: «А bohemiènne что такое?»

— Цыганка! Я вѣдь не цыганка! задумчиво говорила Маня. — А что-жь?... ничего!... Онѣ такія нарядныя, сытыя да веселыя... вѣрно хорошо имъ пѣть...—И она затягивала подслушанную пѣсню: «Хорошо было глядѣть мнѣ на Любушку мою, на голубушку мою», звонко раздавался ея голосокъ въ заброшенномъ саду: «И на очи огневыя, и на кудри разсыпныя!» встряхивая золотистыми кудрями, подпирала Маня руку въ бокъ и вытапывала по заросшимъ травою дорожкамъ своими худыми башмаченками. А несчастная мать все шила безъ разгибу, безъ отдыху, все кашляла и таяла, какъ догоравшая свѣчка...

Пришла суровая зима, пальцы у швеи окостенѣли; топить было нечѣмъ, ѣсть нечего; Маня голодная, перезябшая, плакала... Былъ вечеръ.

— Поди къ хозяину, попроси у него, Христа ради, хоть полтинникъ... Надо работу докончить, а свѣчку не на что купить... Лавочникъ ужь въ долгъ не отпускаетъ... Скажи хозяину, какъ отнесу работу и получу деньги, сейчасъ же ему отдамъ... да вотъ хоть платокъ въ закладъ пусть возьметъ...—И она сняла съ шеи шерстяной платокъ.

Маня слѣзла съ нетопленной лежанки, гдѣ напрасно искала теплаго уголка.

— Зачѣмъ платокъ? тебѣ не замерзнуть же... отрывисто сказала она.—Я и такъ достану денегъ...

Она поспѣшно накинула худенькую кофту на голову, какъ это дѣлаютъ бѣдныя дѣвочки, перебѣгающія улицу въ лавочку или къ сосѣдямъ, и вышла изъ комнаты.

Остановясь на минуту за дверью, чтобы вглядѣться въ мракъ сѣней, она услыхала страдальческій возгласъ матери:

— Господи! когда же кончатся мои мученія? Скоро ли я успокоюсь въ сырой землѣ?... Бѣдная, бѣдная моя сиротка Маня, что будетъ съ тобою безъ меня?

Дѣвочка пустилась бѣгомъ черезъ дворъ, гдѣ фыркали и били копытомъ рысаки Проклычевыхъ гостей. Никѣмъ незамѣченная, она пробралась ко входу въ ярко освѣщенную залу, гдѣ на эстрадѣ, устланной краснымъ сукномъ, сидѣлъ полукругъ разряженныхъ цыганокъ.

Впереди стоялъ самъ Проклычъ съ гитарой и начиналъ пѣсню, дружно подхватываемую удалыми молодцами, которые стояли за стульями женскаго персонала.

«Била жинка мужика, за чуприну взявши»... запѣвалъ Проклычъ, а хоръ подхватывалъ:

«А винъ ей не поклонился, та шапочку снявши».

Маня высунула голову изъ двери, впиваясь глазами въ эту сцену; толстая, старая цыганка выступила впередъ и, поводя жирнымъ плечомъ и вздрагивая всѣмъ тѣломъ, пошла въ плясъ...

— Чортъ тебя задави! Надоѣла эта старуха... Пляшите вы, молодухи! гаркнулъ пьяный купецъ.

Но молодыя пѣвицы отказались плясать. Поднялся шумъ и хористки поспѣшили скрыться. Публика требовала пляски, и Проклычъ пошелъ за своими, да въ дверяхъ столкнулся съ Маней.

— Что тебѣ? рѣзко спросилъ онъ.

— Дайте денегъ... Мы замерзли совсѣмъ, не ѣвши другой день, въ потемкахъ сидимъ... сказала дѣвочка.

— Еще съ васъ надо за двѣ недѣли, а ты денегъ просишь! оттолкнувъ ее, хотѣлъ пройдти Проклычъ.

— Ah, la gentile petite! крикнулъ гусаръ графъ N., увидавъ въ дверяхъ раскраснѣвшееся личико Мани.— Вотъ кто намъ попляшетъ!... Иди сюда, милая дѣвочка! и онъ пошелъ къ двери.

— Она не умѣетъ плясать... она не наша, сказалъ Проклычъ; но графъ схватилъ Маню за руку и вытащилъ ее на середину залы; кофта съ нея свалилась, волосы разсыпались по плечамъ.

— Чудо! вотъ будетъ дѣвка-то! Ну, пляши что-ль! опять гаркнулъ пьяный купецъ.

Проклычъ хотѣлъ отнять у нихъ дѣвочку, но она ему шепнула:

— Дадите цѣлковый? я попляшу...

— Дамъ! лаконически отвѣчалъ старый цыганъ и, взявъ гитару, рванулъ рукою по струнамъ. «Ой, жги! говори!» хватилъ онъ. Маня пустилась въ плясъ: она скользила, кружилась, притопывала и плечомъ поводила, и руки кверху поднимала, и золотыми кудрями встряхивала.

Вся зала гудѣла и тряслась отъ восторженныхъ криковъ: «Браво! Бисъ! Прелесть!»

Маня измучилась и, прижавшись къ Проклычу, просила: «Давайте же!» но гости все кричали: «бисъ»!

Въ минуту затишья Маня смѣло подскочила къ графу.

— Я вамъ тутъ пляшу... вамъ весело... а у меня мать съ голоду умираетъ! воскликнула она.

Графъ вздрогнулъ.

— Проклычъ! подносъ! приказалъ онъ.

Схвативъ поданный ему подносъ, онъ кинулъ на него полусотенную бумажку и, подавая Манѣ, сказалъ: «Сбирай!» Проклычъ толкнулъ дѣвочку и она пошла съ подносомъ. Со всѣхъ сторонъ сыпались кредитки, и когда она вернулась къ старому цыгану, на подносѣ было слишкомъ 300 рублей. Проклычъ отдалъ ей графскую пятидесятирублевку и, завязавъ остальныя деньги въ узелокъ, сказалъ:

— Я спрячу, а то у васъ онѣ зря между рукъ уйдутъ... Какъ понадобится, я буду выдавать: такъ-то вѣрнѣе будетъ!

Онъ велѣлъ одному изъ молодцовъ проводить дѣвочку къ матери.

— Да захвати ей свѣчъ, чаю, сахару, хлѣба... еще чего нибудь изъ закусокъ, распорядился онъ.

— Мама! прости, что я такъ долго! кинулась Маня къ матери, отдавая ей полусотенную ассигнацію.

— Гдѣ ты взяла? вскрикнула бѣдная женщина, не вѣря глазамъ.

— Триста цѣлковыхъ выплясала! засмѣялся молодой цыганъ и, положивъ на столъ принесенную провизію, вышелъ изъ комнаты.

Долго мать и дочь молча глядѣли другъ на друга.

— Цыганка! молвила наконецъ мать и, крѣпко обнявъ Маню, залилась слезами.

Положеніе бѣдной чиновницы улучшилось. Маня часто плясала въ залѣ Проклыча а онъ ни въ чемъ ей не отказывалъ. Мать плясуньи лежала теперь на мягкой постелѣ, въ теплой, уютной комнатѣ, она была обезпечена, но здоровье ея не перенесло этого внезапнаго перехода отъ лихорадочнаго напряженія нужды къ спокойствію и довольству. Ей становилось хуже... Позвали доктора; было ужь поздно!...

Когда послѣднія горсти земли съ глухимъ звукомъ посыпались на крышку глазетоваго гроба, когда послѣдніе унылые напѣвы «Со святыми упокой» замолкли, Проклычъ взялъ за руку сиротку Маню и сказалъ:

— Не плачъ, дочка!... Мать умерла, за то отецъ остался: я тебя какъ родное дѣтище буду любить!

Такъ-то Маня сдѣлалась цыганкой...

М. Политковская.

(До слѣдующ. №)

ЖАЛОБА ГЛУПОСТИ

Къ трону Зевеса разъ глупость предстала,
Громко кричать и стонать она стала:
— «Всѣмъ на землѣ даровалъ ты утѣху,
Я лишь всегда подвергаюся смѣху;
Силъ моихъ нѣтъ, не хватаетъ терпѣнья!
Иль я свершила, скажи, преступленье?
Судятъ и рядятъ меня, кто захочетъ,
И надо мною всякъ громко хохочетъ.
Мужеству—лавры въ награду даются,
Мудрости—счастія дни достаются;

Многимъ — любовь ты даешь на утѣху,
Я лишь одна стала цѣлію смѣху!»
Зевсъ ей въ отвѣтъ: «Да! всецѣло права ты,
Въ этомъ, конечно, лишь мы виноваты;
Но за то ждетъ тебя лучше награда,
Ей безпредѣльно должна ты быть рада:
Жизнь тѣхъ созданій бѣжитъ скоротечно,
Ты же, о, глупость! *одна* живи вѣчно!!»

А. Д—жій.

СУМАТОХА ВЪ ГОСТИННИЦѢ „ЕВРОПА"

ШУТКА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Феска, турчанка, авантюристка, временная постоялица гостинницы «Европа».

Джонъ Пуддингъ, банкиръ.
Ростбифъ, его прикащикъ.
Вурстъ, нѣмецъ.
Поттажъ, французъ.
Маккарони, итальянецъ.
Иванъ Ивановъ, русскій.
} Постоянные жильцы гостинницы «Европа».

Хапка, венгерецъ, проходимецъ, проживающій въ гостинницѣ «Европа» изъ милости на кухнѣ.

Прогрессъ, хозяинъ гостинницы.

Театръ представляетъ общую комнату въ гостинницѣ «Европа»; направо и налѣво двери въ комнаты квартирантовъ; прямо входная дверь. Разсвѣтъ.

Феска (*выходитъ изъ своей комнаты*). Ахъ, Боже мой! уже разсвѣтъ. Луна скрывается. Опять день, опять тревога, то ли дѣло ночь: никто тебя не видитъ, дѣлай что хочешь, одна луна является свидѣтельницею. О! какъ я люблю ночь и луну и какъ ненавижу день. Только поблѣднѣетъ луна, того и гляди встрѣтишься съ Прогрессомъ, а я ему еще ничего не платила. Съ сосѣдями встрѣтиться—тоже не совсѣмъ удобно; съ русскимъ у меня есть старые счеты, сводить которые мнѣ крайне не хочется, тѣмъ болѣе теперь, когда онъ въ ладахъ съ хозяиномъ гостинницы, Прогрессомъ. Англичанину я должна кругомъ и хотя онъ ничего не говоритъ, но кто его знаетъ... (*Входитъ Хапка*).

Хапка. А! Чуть свѣтъ, ужъ на ногахъ,
А я... безъ заднихъ ногъ...

Мое почтеніе!

Феска. Здравствуйте.

Хапка. Я, сударыня, крайне обиженъ вами.

Феска. Вы? За что же?

Хапка. Вы не обращаете на меня никакого вниманія... А между тѣмъ я... я влюбленъ... влюбленъ въ васъ...

Феска (*въ сторону*). Напрасный трудъ! (*ему*) Это для меня новость.

Хапка. Смѣйтесь, смѣйтесь, а я все-таки скажу, что намъ съ вами, ей-ей, не мѣшаетъ сойтись поближе. Пусть я не имѣю рессурсовъ, пусть на меня никто не обращаетъ вниманія, но съ вами... съ вами дѣло другое... Съ вами мы потому должны сойтись, что оба враги Прогресса... Вонъ онъ идетъ сюда. До свиданія, я не хочу съ нимъ встрѣчаться. (*Уходитъ; входитъ Прогрессъ*).

Феска. Здравствуйте, г. Прогрессъ.

Прогрессъ. Мое почтеніе. Я, сударыня, хотѣлъ поговорить съ вами.

Феска. Ахъ, г. Прогрессъ, очень пріятно.

Прогрессъ. Не знаю я, пріятно ли это вамъ будетъ, или непріятно; но намъ давно ужъ нужно съ вами посчитаться.

Феска. Ахъ, г. Прогрессъ, я сознаю свою неаккуратность передъ вами, сознаюсь, что затянула счеты; но подождите немного, я разочтусь, право разочтусь.

Прогрессъ. Немного, сколько же это немного?

Феска. Я право не могу назначить срока, но увѣряю васъ, что сведу съ вами счеты скоро. Опять повторяю, что сознаюсь, что небрежно отнеслась къ своимъ обязанностямъ и, мнѣ кажется, это сознаніе должно быть пріятно для васъ.

Прогрессъ. Гмъ... сознаніе-то пріятно, но свести счеты еще пріятнѣе.

Феска. Ну, подождите пожалуйста.

Прогрессъ. Извольте, немного я подожду, а много не стану ждать. Вы посмотрите, какъ всѣ мои постояльцы, кромѣ васъ, аккуратны въ платѣ. Къ тому же вы скан-

далите постоянно, не даете покою сосѣдямъ. Если это не кончится, я откровенно говорю вамъ, что выгоню васъ изъ «Европы».

Феска. Кончится, кончится, будьте покойны, г. Прогрессъ.

(Джонъ Пуддингъ и Ростбифъ *выходятъ изъ своего номера;* Феска *быстро уходитъ въ свою комнату*).

Прогрессъ. Мое почтеніе, господа.

Джонъ Пуддингъ. Здравствуйте, г. Прогрессъ. Ну, какъ вы живете? (*Садится къ столу вмѣстѣ съ Ростбифомъ*).

Прогрессъ. Благодарю васъ, все идетъ очень хорошо, только вотъ г-жа Феска разсчета со мною не дѣлаетъ.

Джонъ Пуддингъ. Ничего, придетъ время, расплатится.

Прогрессъ. Придетъ время... да когда оно придетъ-то?

Ростбифъ. А нами вы довольны, г. Прогрессъ?

Прогрессъ. Вами я доволенъ.

Джонъ Пуддингъ. Послушайте, хозяинъ, дайте намъ чего нибудь выпить.

Прогрессъ. Чего же прикажете?

Джонъ Пуддингъ. У васъ была бутылка коньяку изъ Парижа, разлива 1856 года, дайте его, онъ намъ очень по вкусу.

Прогрессъ. Извините, сударь, не могу предложить его вамъ.

Джонъ Пуддингъ. Почему?

Прогрессъ. Да одинъ мой постоялецъ, русскій, отбилъ горлышко отъ этой бутылки...

Джонъ Пуддингъ. Goddam! Какъ такъ?

Прогрессъ. Дѣло было такъ: мои постояльцы, нѣмецъ и французъ, поссорились однажды изъ-за бутылки рейнвейна, тутъ же и коньякъ стоялъ. Вы тогда заняты были. Ну, русскій выбѣжалъ на эту свалку и говоритъ: вы, господа, дѣлите рейнвейнъ, это дѣло не мое, а я вотъ коньячку стараго выпью. Схватилъ бутылку, штопора-то не было, онъ отбилъ горлышко и изрядно-таки вытянулъ изъ нея. Ну, а потомъ она стояла долго откупоренная и выдохлась.

Джонъ Пуддингъ. Какъ же вы позволяете такія вещи?

Прогрессъ. Да вѣдь русскій мнѣ платитъ хорошо. Еще чего нибудь не прикажете ли?

Джонъ Пуддингъ. Нѣтъ, ничего не нужно.

Прогрессъ. Какъ угодно. До свиданія, господа! (*Уходитъ*).

Джонъ Пуддингъ. Я ужасно возмущенъ, я долженъ сообщить тебѣ непріятныя вещи.

Ростбифъ. Что такое, сэръ?

Джонъ Пуддингъ. Ты знаешь, какъ я влюбленъ въ мою индіанку; вдругъ узнаю, что нашъ сосѣдъ русскій наступилъ ей на шлейфъ. Каково?

Ростбифъ. Неосторожность.

Джонъ Пуддингъ. Нѣтъ, умыселъ. Я немного ревнивъ, это правда; но все-таки имѣю основаніе подозрѣвать, что русскій черезъ чуръ заглядывается на индіанку. Мнѣ хочется отвлечь его.

Ростбифъ. Какъ же это сдѣлать?

Джонъ Пуддингъ. Феска насъ выручитъ.

Ростбифъ. Не думаете ли вы завязать интригу между нею и русскимъ? они терпѣть не могутъ другъ друга.

Джонъ Пуддингъ. Это-то мнѣ и нужно: пусть ихъ поссорятся, затѣмъ подерутся. Пусть сведутъ счеты.

Ростбифъ. А если этого не будетъ?

Джонъ Пуддингъ. Будетъ. Мнѣ нужно, чтобы они посчитались, и ты увидишь, какъ я это устрою. Поди, попроси ко мнѣ г-жу Феску.

Ростбифъ (*подходитъ къ дверямъ Фески*). Г-жа Феска!

Феска (*за дверью*). Кто тамъ?

Ростбифъ. Я, Ростбифъ.

Феска. Что вамъ угодно?

Ростбифъ. Сэръ Джонъ Пуддингъ проситъ васъ на минуту.

Феска. Сейчасъ. (*Выходитъ изъ комнаты и подходитъ къ Джону Пуддингу*). Здравствуйте.

Джонъ Пуддингъ. Здравствуйте, миледи. Мнѣ нужно бы поговорить съ вами; садитесь, прошу васъ. (*Феска садится*). Вы имѣете счеты съ своимъ русскимъ сосѣдомъ?

Феска. Имѣю.

Джонъ Пуддингъ. Хотите ихъ кончить?

Феска. Хочу, но я не въ состояніи.

Джонъ Пуддингъ. Я вамъ помогу.

Феска. Тогда съ удовольствіемъ.

Джонъ Пуддингъ. Такъ слушайте: вы будете играть съ русскимъ въ банкъ, отыграетесь и обыграете его. Денегъ я вамъ дамъ и буду помогать совѣтами. Согласны?

Феска. Согласна.

Джонъ Пуддингъ. Мистеръ Ростбифъ! подите попросите сюда г-на Иванова. (*Русскій выходитъ изъ своей комнаты*).

Ростбифъ. Г. Ивановъ самъ идетъ.

Феска (*смущенно*). Самъ идетъ?...

Джонъ Пуддингъ. А! Ну, хорошо.

Ивановъ (*въ сторону*). Ишь неразлучки — амурятся. (*Подходитъ*). Здравствуйте, господа!

Джонъ Пуддингъ. Мое почтеніе.

Феска. Здравствуйте, г. Ивановъ.

Ивановъ, А вы, сударыня, что же только обѣщаніями кормите, а?

Феска. Я, г. Ивановъ, сдержу свое слово, повремените немного.

Ивановъ. Долгонько, сосѣдка, ждать заставляете, это неловко.

Джонъ Пуддингъ. Да вы не желаете ли, г. Ивановъ, рикончить свои счеты съ г-жей Феской?

Ивановъ. Имѣю большое желаніе, но какъ? Какимъ путемъ?

Джонъ Пуддингъ. Не хотите ли пройтись съ нею по зеленому полю? Быть можетъ она отыграется.

Ивановъ. Готовъ!

(*Ростбифъ открываетъ столъ и достаетъ изъ него карты, Феска и Ивановъ садятся другъ противъ друга и начинаютъ играть*).

Ивановъ (*взявъ карты*). Ну-съ, мадамъ, теперь держитесь!

Феска. Посмотримъ.

Ивановъ. Ужь тамъ смотрите, не смотрите, а развязка должна быть. Ну, начинаю. (*Мечетъ*). Бита!

Джонъ Пуддингъ и Ростбифъ становятся сзади Фески, изъ своихъ комнатъ выходятъ Вурстъ, Поттажъ и Маккарони; изъ входной двери является Хапка; всѣ сгруппировываются вокругъ играющихъ и наблюдаютъ за игрою).

Ивановъ (*мечетъ*). Бита!

Феска. Ахъ!

Ивановъ. Ничего, мадамъ, не ахайте (*мечетъ*). Бита!

Джонъ Пуддингъ. О-о!

Ивановъ. Не нравится? (*мечетъ*). Бита!

(*Хапка шепчетъ что-то Фескѣ*)

Ивановъ (*Хапкѣ*). А ты чего тутъ суешься? Смотри, какъ бы я и тебѣ того.... (*мечетъ*). Бита!

Вурстъ. Gut!

Поттажъ. Charmant!

Маккарони. Brava!

Ивановъ. Ладно! (*мечетъ*) Бита!

Джонъ Пуддингъ. Послушайте, господа, не лучше ли въ *безикъ*?

Ивановъ. Еще чего?! (*мечетъ*) Бита!

Феска. Охъ, я ужасно устала, нельзя ли выпить глотокъ вина?

Джонъ Пуддингъ. Какого вы хотите?

Феска. Коньяку изъ Парижа розлива 1856 года.

Ивановъ. Подкрѣпляйтесь! (*мечетъ*). Бита! (*Фескѣ*). Не хотите ли, мадамъ, у меня есть бутылочка, угощу?

Феска. Чѣмъ?

Ивановъ. Перцовкой.

Феска. Гмъ....

Ивановъ. Послѣ бани отличная штука. (*мечетъ*). Бита!

Феска. Послушайте, я не могу такъ играть!

Ивановъ. Такъ не играйте.

Джонъ Пуддингъ. Но, но, но, но.

Феска. Это, это.... совсѣмъ....

Ивановъ. Знаю, что совсѣмъ.

Феска. Это... это...

Ивановъ. А, не нравится?

Феска (*вставая*). Я не хочу....

Ивановъ. Да вы чего же бросаете игру? господа, будьте свидѣтелями.

Вурстъ. О, да, да!

Маккарони. Конечно!

Поттажъ. Конечно!

Феска. Я не хочу.... (*идетъ отъ стола*).

Ивановъ (*хватая ее за шлейфъ*). Да вы разочтитесь сперва, мадамъ, а потомъ и идите.

Феска. Пустите!

Ивановъ. Нѣтъ, дудки!

Феска. Я хочу въ свою комнату.

Джонъ Пуддингъ (*становясь въ дверяхъ ея комнаты*). Я оттуда ничего вамъ не дамъ, вы мнѣ должны слишкомъ много.

Феска. Ай!

Ивановъ. Прогорѣла!

Феска. Я хочу въ свою комнату. (*Бросается впередъ роняетъ столъ съ посудой, вбѣгаетъ Прогрессъ*).

Прогрессъ. Господа! что здѣсь такое?

Вурстъ. Да вотъ эта госпожа скандальничаетъ.

Ивановъ. Всѣмъ, хозяинъ, должна, никому не платитъ, чортъ знаетъ, зачѣмъ ее здѣсь держутъ?

Прогрессъ. Да что же это такое, сударыня? въ гостинницѣ «Европа» скандалы не могутъ быть допущены. Я васъ предупреждалъ, что если вы не будете держать себя какъ слѣдуетъ, то я васъ выгоню.

Ивановъ. Постойте-ка, хозяинъ; я это дѣло-то на себя возьму. (*Хватаетъ Феску за шиворотъ*).

Феска. Теперь я готова, готова, готова.

Ивановъ (*выталкивая Феску за дверь*). Вотъ такъ-то лучше! чище будетъ воздухъ.

(*Вурстъ и Маккарони смотрятъ весело, Поттажъ качаетъ головою, Джонъ Пуддингъ разсматриваетъ оставшуюся послѣ Фески старую юбку, Ростбифъ и Хапка ковыряютъ въ носу. Прогрессъ улыбается, Ивановъ потираетъ руки Занавѣсъ опускается*).

И. В.

ПЯТЬ ПИСЕМЪ

НАЙДЕННЫХЪ СЛУЧАЙНО ВЪ ДЕРЕВНѢ

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, проѣзжая въ декабрѣ минувшаго года Ярославской губерніей, принужденъ былъ, за мятелью, остановиться ночевать въ одномъ селѣ. Сидя за чаемъ и осматривая отъ скуки избу, проѣзжій пере-

шелъ къ лубочнымъ картинкамъ, украшавшимъ передній уголъ; замѣтивъ на поставцѣ передъ образами связку писемъ, онъ спросивъ позволенія у хозяина просмотрѣть ихъ и, выбравъ изъ нихъ болѣе характеристичныя, выпросилъ ихъ у владѣльца для себя. Крестьянинъ сообщилъ, что письма принадлежали старушкѣ, недавно умершей и что онъ самъ не знаетъ, какъ они попали на поставецъ, что онъ не придаетъ имъ никакого значенія и предложилъ взять всѣ. Въ предлагаемыхъ письмахъ измѣнены имена.

I

Милая, дорогая моя матушка, Арина Никитишна! Съ той самой поры, какъ вы свезли меня въ Москву и отдали къ хозяину, вотъ уже два мѣсяца, я каждую ночь плачу. Очинно скучно мнѣ и жалко, что васъ не вижу. Опять же бьютъ меня здѣсь безъ всякой провинности и хозяинъ, и прикащики, и кухарка, и кучеръ съ дворникомъ. Къ торговлѣ я еще не приставленъ, въ лавкѣ все больше стою у притолки, а дѣлаю что по домашнему: чищу сапоги, выношу лохани, хожу прикащикамъ за водкой. Когда-то я съ вами увижусь, милая матушка? ужь очинно скучно. Чай Васька старостовъ не скучаетъ въ деревнѣ; скажите ему, что я его помню и что клочилъ онъ меня, на то не сержусь. Ахъ, лучше бы меня Васька клочилъ, чѣмъ быть здѣсь. Цѣлую васъ, дорогая, милая матушка, тысячу разъ и остаюсь сынъ вашъ Агафонъ Кукишевъ. Москва, 1865 года.

II

Любезная матушка! Съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ въ прикащики, жить мнѣ очинно хорошо; хозяинъ меня любитъ и надо полагать, что скоро я буду главнымъ прикащикомъ. Я, любезная матушка, облюбовалъ здѣсь невѣсту, даютъ за ней деньгами тысячу рублей, пять шелковыхъ платьевъ, окромя всего прочаго, и два сундука хорошихъ вещей. Посылаю вамъ пятьдесятъ рублей, справьтесь и пріѣзжайте въ Москву прямо ко мнѣ, я хоть квартиру занимаю пока одну комнату, одначе помѣстимся. Хотѣлъ самъ ѣхать къ вамъ въ деревню, да много дѣла, какъ нибудь послѣ. Пріѣзжайте же, милая матушка. Остаюсь сынъ вашъ Агафонъ Кукишевъ. Москва, 1871 года.

III

Любезная маменька! вы выражаете сѣтованіе, что я рѣдко пишу къ вамъ. На это вамъ скажу, что мнѣ теперь въ должности главнаго прикащика очинно много дѣла, почему-што на мнѣ лежатъ всѣ распоряженія по лавкѣ. Опять же теперь дѣла у хозяина попортились, онъ думаетъ объявить себя несостоятельнымъ и по этой причинѣ хлопотъ еще пуще. Денегъ пятьдесятъ рублей посылаю. Сынъ вашъ Агафонъ Кукишевъ. Москва, 1875 года.

IV

Въ Москву, любезная маменька, пожалуй пріѣзжайте, только остановитесь не у меня, а на постояломъ, почему-што какъ я теперь открылъ свою торговлю и живу какъ слѣдовательно по купечеству, то и всяческое пониманіе соблюдать должонъ. Остаюсь сынъ вашъ Агафонъ Кукишевъ. Москва, 1876 года.

V

Любезная маменька, какъ вы въ кажинномъ вашемъ письмѣ отписываете, что тому или другому изъ сродственниковъ по деревнѣ нужда состоитъ, то на это долженъ я вамъ отвѣтить, что не могу же я добывать на всю деревню; кажинному человѣку о себѣ самомъ стараніе прилагать надлежитъ. Что я богатъ, то ко мнѣ всѣ и лѣзутъ; мало бы что, есть и богаче меня. На ваши нужды денегъ посылаю. Скажите мѣстному батюшкѣ, что мною посланъ для храма большой колоколъ; когда будетъ полученъ, чтобы отписалъ, а на торжество поднятія пріѣду самъ. Вы пишете, что желательно бы вамъ пріѣхать въ Москву посмотрѣть, какъ я живу, то скажу вамъ, что живу я очинно обнаковенно, какъ по купечеству надлежитъ, и проѣзжать изъ-за этого деньги тратить не слѣдоваетъ. Опричь того вы понять должны, что какъ вы по крестьянству, а мы по купечеству, то принимать васъ за всякое время мы съ супругою не можемъ, а принять васъ по простому обычаю, какъ мою родительницу, мнѣ передъ моею прислугою зазорно. Остаюсь сынъ вашъ Агафонъ Кукишевъ. Москва, 1877 года.

Шапка-Невидимка.

ПАРОДІЙКИ

II

Съ какою тайною тоскою
Просить взаймы рѣшаюсь я,
Исполненъ думою такою:
Дадутъ, иль выгонятъ меня?

И сколько, въ этотъ мигъ невзгоды,
Я говорю высокихъ фразъ
О томъ, что уменьшу расходы,
Что это ужь въ послѣдній...

Но денегъ дали — все забыто!
На рысакахъ я вновь лечу,
Мнѣ сердце милой вновь открыто —
И я кучу, опять кучу!

А. Г—чевъ.

вятъ, а вы съ просонья не разберете да и подпишете. Вѣдь вы на собраніяхъ-то все дремлете. Съ вами надо хоть бы разъ такую штуку сдѣлать, какую сдѣлалъ одинъ харьковскій голова: тамъ тоже гласные на собраніяхъ спали да дремали, да такъ, что храпъ былъ слышенъ. Голова имъ и замѣчанія дѣлалъ—ничего не беретъ. Вотъ онъ и придумалъ: во время собранія, какъ храпъ услышитъ, сейчасъ и пошлетъ сторожа съ своей табакеркой и колокольчикомъ къ храпящему; сторожъ подойдетъ къ нему да и начнетъ звонить надъ ухомъ, тотъ проснется, смотритъ, не понимаетъ, а сторожъ ему говоритъ, что господинъ голова прислалъ ему табакерку, проситъ его табачку понюхать, чтобы разгуляться; ну, гласный конфузится: «неужели, говоритъ, я заснулъ? ахъ, грѣхъ какой случился! виноватъ». А прочіе гласные смѣются. Ну, вотъ этимъ и отучилъ голова гласныхъ спать на собраніяхъ. Вотъ у васъ надо бы эту штуку ввести.

— Да нашъ голова табаку не нюхаетъ.

— Ну что-жь, что не нюхаетъ? Можно купить нарочно для этого и табакерку, и табаку.

— Ахъ ты, зуда, зуда! процѣживаетъ сквозь зубы Иванъ Ѳаддеичъ,—тебя бы самого въ гласные, посмотрѣлъ бы я на тебя, какъ бы ты тамъ распѣлся.

— Какъ бы никакъ, а все бы не хуже васъ, Иванъ Ѳаддеичъ. А вы вотъ все тратите теперь деньги попусту: вздумали издавать журналъ «Думскія Извѣстія»; чѣмъ бы дѣло въ немъ писать про городскія дѣла да городскія нужды, а вы тамъ описываете московскія улицы и дома, кому теперь какой домъ принадлежитъ, кому прежде; у насъ для этого «Русская Старина» да «Архивъ» есть. Разсказы печатаете, какія увеселенія въ Москвѣ прежде были, лѣтъ сто тому назадъ. Почиталъ я—просто смѣхъ: въ «Думскихъ Извѣстіяхъ» описываютъ, что въ Москву пріѣхалъ комедіантъ французскій и показываетъ искусственную канарейку, которая поетъ, или что въ домѣ протодіакона Андреева у малороссіянина Рѣпкова, пріѣхавшаго въ Москву, трехлѣтняя дочь Александра играетъ 12 пѣсенъ на гусляхъ сама собою, безъ всякаго показыванія со стороны другихъ. Половина книги такими описаніями занята. Вотъ тоже прочелъ я отчетъ годовой начальника торговой полиціи за прошлый годъ; лучше бы онъ его и не печаталъ: 30 тысячъ городу стоитъ торговая полиція, да еще хотятъ оклады ей увеличить, а что она дѣлаетъ? Читалъ ли ты, Иванъ Ѳаддеичъ, этотъ отчетъ?

— Нѣтъ, не читалъ, просмотрѣлъ только.

— А еще гласный!

— Ну что-жь, что гласный? развѣ все прочтешь если тебѣ по правдѣ сказать: что читай, что не ч все едино. Прочтешь, скажешь, а твои слова съ водой уплывутъ, только что въ неудовольствіи останешься. Вотъ мы про камень да про мощеніе говорили, говорили, да и остались съ тѣмъ, что поговорили, на водѣ пальцемъ пописали: всѣ наши слова безъ уваженія оставлены; такъ послѣ этого кто станетъ говорить? всякій отвернется въ сторону, если что и видѣть будетъ. А любопытно будетъ прочесть годовой отчетъ торговой полиціи; поищу дома, прочту, спасибо, что сказалъ.

— Да не трудись искать дома, я тебѣ сейч онъ со мною; слушай, другъ любезн числѣ составленныхъ торговою поли личествѣ уничтоженныхъ недобро совъ за 1877 годъ. За неопрят щеній 108 актовъ.

— Немного за цѣлый годъ

— Да, есть тотъ грѣхъ. припасовъ 83 акта.

— Только-то за весь годъ? да въ одинъ день больше актовъ за недобр то припасовъ составить.

— За неимѣніемъ надлежащихъ документовъ на торговли 201 актъ.

— Да въ одномъ Охотномъ ряду больше торгуютъ безъ всякихъ документовъ, а на Толкучкѣ такъ и всѣ безо всего торгуютъ.

— За неклейменные вѣсы, обмѣры, обвѣсы — 58 актовъ.

— Да за годъ-то можно, Иванъ Андреичъ, не 58 актовъ по этому составить, а 5058: изъ ста у одного лавочника вѣрные вѣсы на рынкѣ.

— Ну, теперь слушай, Иванъ Ѳадѣичъ: наименованія уничтоженныхъ предметовъ: варенья и прочихъ кондитерскихъ произведеній уничтожено въ продолженіе года во всей Москвѣ 1 пудъ 8½ фунтовъ.

— Да ты шутишь?

— Нѣтъ, не шучу.

— Да такое количество испорченнаго варенья въ любой лавкѣ въ Медовомъ ряду найдешь.

— Грибовъ уничтожено 2 пуда 22 фунта.

— Ха, ха, ха! да въ Сѣмянномъ ряду червивыхъ и гнилыхъ грибовъ десятки пудовъ можно сразу уничтожить.

...птицы 140 штукъ.

...чѣмъ людей смѣшить:

...0 штукъ испор-

...ряду въ

...еще

Джонъ Булль. Goddam! сосѣдъ! ты ужь очень расширился: всю дорогу мнѣ загородилъ!

(„Ulk").

— Ну, слушай, что дальше-то будетъ: капусты квашеной уничтожено 101 ведро.

— Да у насъ на Таганскомъ рынкѣ въ годъ-то можно тысячу ведеръ уничтожить. Сами торговцы больше въ годъ въ яму такой капусты вывалятъ, чѣмъ торговой полиціей во всей Москвѣ въ годъ найдено.

— Масла растительнаго 1 п. 20 ф., а масла коровьяго нѣтъ.

— Нѣтъ? и то хорошо; а яицъ тухлыхъ много ли уничтожено?

— Ничего не сказано, должно быть, ни одного не нашлось.

— Еще того лучше!

— Мяса уничт

— Тольк

сосѣда

ги

чего мы довели исправность торговцевъ нашею строгостью, что уничтожать нечего стало. Какъ за такое рвеніе не прибавить окладовъ? Ну, читай, Иванъ Андреичъ, что дальше?

— Рыбы уничтожено соленой 92 пуда.

— Только-то? надо бы побольше: у насъ въ Москвѣ въ годъ-то отъ рыбы постами больше людей умираетъ, чѣмъ торговая полиція пудовъ уничтожаетъ.

— Рыбы несоленой 1 пудъ 13 фунтовъ.

— Ну, это просто насмѣхъ написано! да у одного разнощика на лоткѣ можно сразу такое количество испортившейся рыбы уничтожить великимъ постомъ, когда рыба оттаиваетъ, а тутъ въ цѣлый-то годъ!

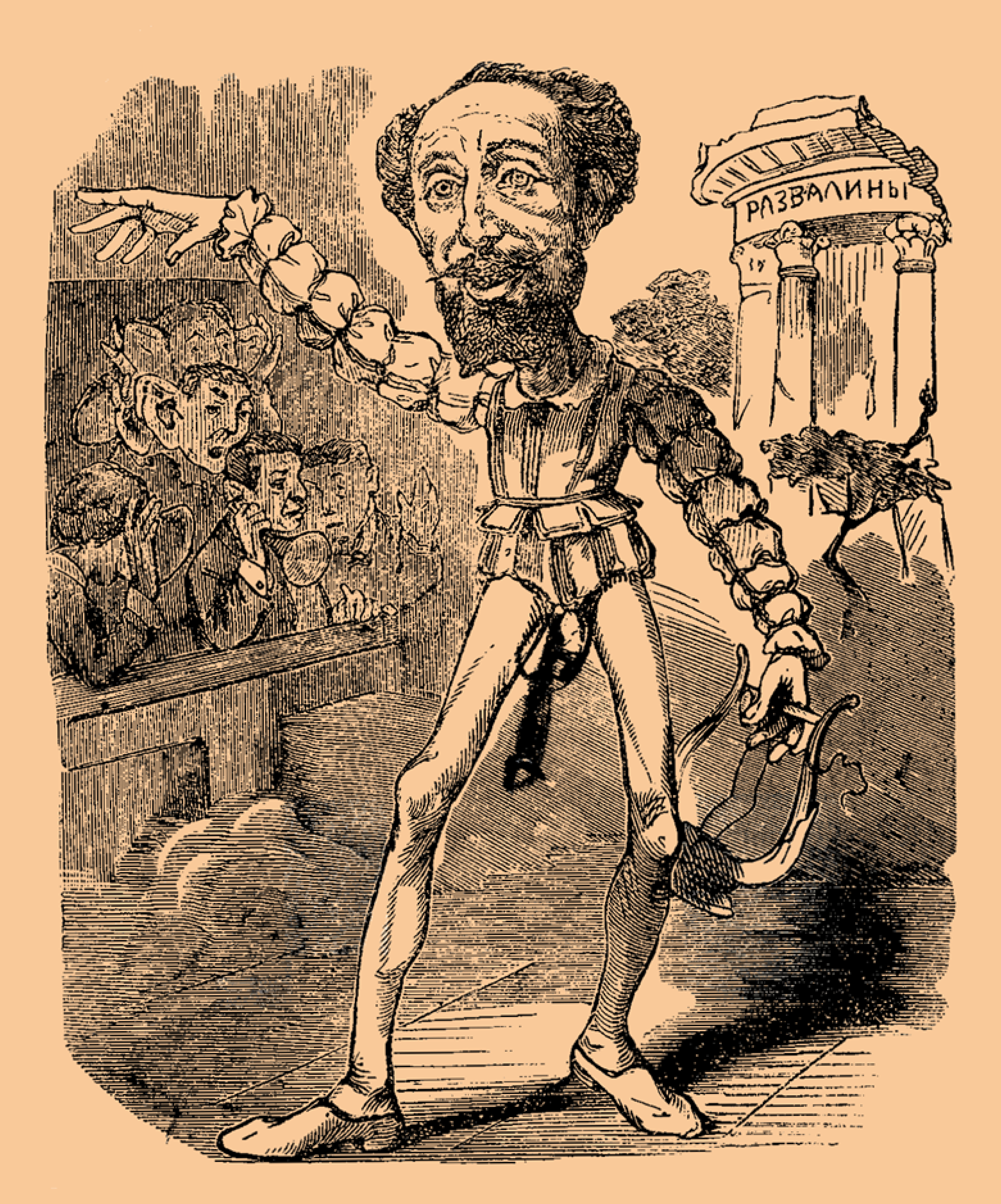
— Фруктовъ и ягодъ уничтожено 25 фунтовъ.

— Ну, не читай больше Иванъ Андреичъ, терпѣнья слушать.

а и читать больше нечего, всему итогъ подве... чтожено всего въ Москвѣ въ прололженіе 1877 ...вою полиціею испортившихся продуктовъ 376 фунтовъ.

Я доказываю ясно,
Что порой не все прекрасно
То, что только—громогласно,
И что я тружусь напрасно.

Я кляну судьбу свою
И съ унынiемъ пою,
Что безъ голоса при пѣньѣ
Не поможетъ и умѣнье!

— А муки, а молока, а творогу, а чаю спитаго, а огурцовъ промзглыхъ, а сельдей ржавыхъ?

— Это видно все оставлено до будущаго года, когда оклады прибавятъ.

— Да, видно такъ, Иванъ Өаддеичъ.

— Ну, братъ, Иванъ Андреичъ, хорошо, что ты не гласный: все тебѣ не такъ совѣстно за нашу городскую-то хозяюшку, какъ намъ, гласнымъ.

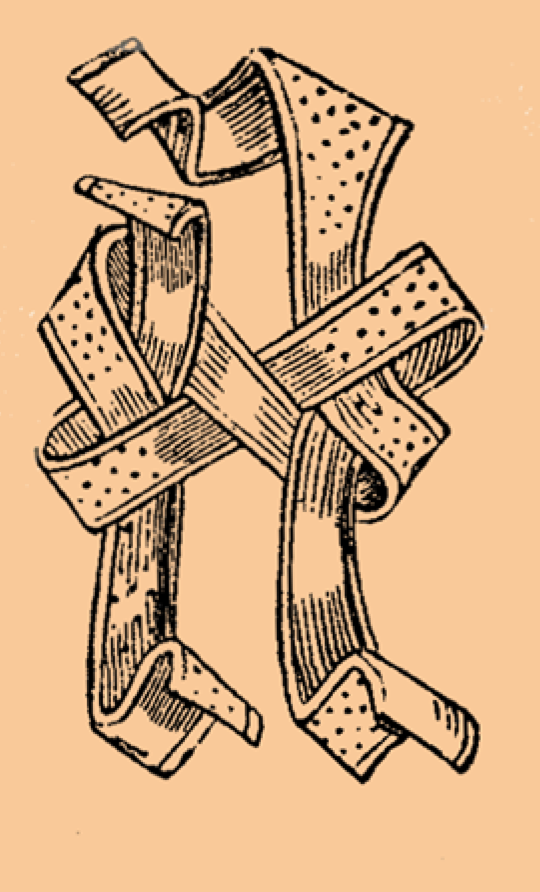
— А кто-жь вамъ мѣшаетъ? выбрали бы къ этой хозяюшкѣ хорошаго эконома, да хорошаго бы дворецкаго, да хорошаго бы ключника, тогда бы хозяйство пошло хорошо, а теперь пеняйте сами на себя.

— Да и пеняемъ,—отвѣчаетъ со вздохомъ Иванъ Өаддеичъ,—да пенянье-то не помогаетъ.

— Да и не поможетъ,—сказалъ Иванъ Андреевичъ, поднимаясь со стула,—честь имѣю кланяться, сколько ни сиди, а идти надо.

И прiятели отправились по своимъ дѣламъ.

N. N.

АПРАСНЫЯ ОЖИДАНІЯ,

или

ВСЕ ЛОПНУЛО!

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ОПЕРА ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ДУХѢ, СЪ ПѢНIЕМЪ И ПЛЯСКАМИ.

Дѣйствующiе:

Дѣдушка Андрей, Незнакомецъ, Рубниковъ, Походика и др. владѣтельные бароны и рыцари газетнаго стола.

Подрядные рыцари.

Газетные торговцы, вассалы бароновъ, разносчики, довѣренные, герольды, сотрудники, прихлебатели и прочіе алчущіе и жаждущіе.

I. БЛАГОДѢТЕЛИ.

Сцена представляетъ огромный залъ. Пиръ и гульбище въ полномъ разгарѣ. Звонъ лютней и кимваловъ. Все

Мелкая пресса.

Ну, слава Богу, миръ, ура!
Теперь и намъ пришла пора!!!

(*Крупная пресса грозится, мелкая хохочетъ. Бенгальскій огонь и тихая музыка въ оркестрѣ. Занавѣсъ медленно падаетъ*).

А. Д—жій.

Носъ

Не важенъ носъ, то всякій знаетъ,
Но важенъ какъ о немъ вопросъ,
И роль не малую играетъ
Частенько въ нашей жизни носъ.

Да-съ, въ жизни онъ не безъ вліянья,
И кто того не признаетъ,
Напомню: общество вниманье
Какое носу отдаетъ.

Для носа курятъ фиміамы
Французъ, Британецъ, Нѣмецъ, Россъ,
И изъ приличья никогда мы
Сморкать не смѣемъ часто носъ.

Да доказательствъ нужно много-ль,
Когда, ей-ей, не безъ причинъ
Въ разсказѣ самъ великій Гоголь
Носъ произвесть рѣшился въ чинъ?

Различна взглядовъ нашихъ призма,
Но какъ-то странно создалось:
Какъ представитель иронизма
Намъ въ разговорѣ служитъ носъ.

Въ кругу большомъ, въ кружкахъ плебейскихъ,
Вы всѣ и въ томъ числѣ я самъ
Рядъ цѣлый случаевъ житейскихъ
Опредѣляемъ по носамъ.

Къ дѣлишкамъ ближняго безпечно
Мы относясь, издалека
Носъ сунуть рады безконечно
Въ его дѣла изподтишка.

Какъ и язвительно, и страстно
Межь насъ сужденія пойдутъ,
И какъ мы сердимся ужасно,
Когда насъ за носъ проведутъ.

А какъ на гордость мы дивимся,
Не унимаясь ни на часъ,
Какъ возмущаемся и злимся,
Когда воротятъ носъ отъ насъ.

Мы прибѣгать готовы къ спорамъ,
Стремясь мѣстечко подобрать
Такое, можно на которомъ
Передъ другими носъ задрать.

За промахъ въ службѣ несомнѣнно
Должны мы младшаго пугнуть,
Но, припугнувши, непремѣнно
Спѣшимъ въ ошибку носомъ ткнуть.

Мы злость скрываемъ еле-еле,
Лишь только будетъ знать дано,
Что намъ въ интрижкѣ или въ дѣлѣ
Остаться съ носомъ суждено.

Въ тоскѣ бываемъ мы суровы,
Отъ горя льемъ потоки слезъ,
Въ несчастьи вѣшаться готовы,
Но все-жь сперва повѣсимъ носъ.

Виновны мы, но за укоры
Порой разсердимся, да какъ!
Лишь потому, что разговоры
Намъ тѣ—не по носу табакъ.

Носъ признанъ важнымъ цѣлымъ свѣтомъ,
Его заслугъ чтобъ не забыть,
Я посовѣтую объ этомъ
Всѣмъ на носу вамъ зарубить.

И. В.

ВЫВОДЫ И ИЗМЫШЛЕНІЯ ПРАЗДНАГО ФИЛОСОФА

— Что такое усидчивый трудъ?
— Результатъ безвыходной нужды.

—

— Что такое ода къ потомству?
— Эхо, которое оно не всегда слышитъ.

—

— Кому не нравится гласность?
— Тѣмъ, которые любятъ принимать посѣтителей не гласно.

—

— Что меньше всего идетъ съ рукъ въ настоящее время?
— Правда.

—

— Что такое женщина нигилистка?
— Курица, поющая пѣтухомъ.

—

— Что обжигаетъ сильнѣе огня?
— Гр... ько обра...
контру».
горила тѣ же слова.

ПОПРАВКА

Въ этомъ № на 2-омъ столбцѣ стран. 88 въ стихотвореніи «Пародійки» въ нѣкоторыхъ экземплярахъ пропущено одно слово. Послѣдній стихъ втораго куплета долженъ читаться такъ:

«Что это ужь въ послѣдній разъ»...

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ-Издатель Ѳ. Б. Миллеръ.

Дозволен

Москва. Типографія Ѳ. Б. Миллера. (Яуз. ч. 1 кв. № 82).